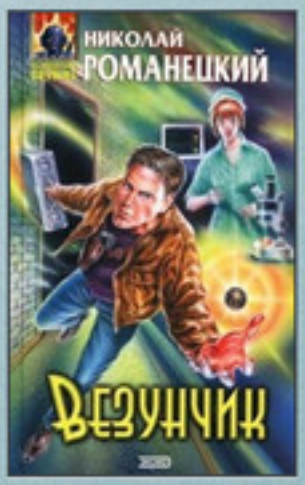
Николай Романецкий

Сквозняк в незакрытых дверях



Часть сборника
Везунчик (сборник)

Николай Романецкий

Сквозняк в незакрытых дверях

«Автор»

1993

Романецкий Н. М.

Сквозняк в незакрытых дверях / Н. М. Романецкий — «Автор», 1993

Есть беглый преступник, и есть ищейка. Преступник убегает, ищейка догоняет. Но в качестве ищейки на этот раз выступает брат-близнец, к тому же оба брата – телепаты.

© Романецкий Н. М., 1993
© Автор, 1993

Николай Романецкий
Сквозняк в незакрытых дверях

Через порог джамп-кабины я перешагнул с ощущением определенной – и достаточно большой! – неуверенности. Да, конечно, станция солидно защищена от вторжения извне, но кто способен за что-либо поручиться там, где хотя бы короткое время побывал Фернан. Угроза смертоносного залпа в упор, однако, оказалась слегка преувеличенной, и я облегченно вздохнул: вражеские террористы внутри приемника отсутствовали. Признаки наводнения, пожара или наличия психотропных соединений – тоже.

Послушав несколько мгновений тишину, я принялся за инспекторский осмотр помещений. Везде царил идеальный порядок. Освещение и вентиляция работали в штатных режимах. На складе располагался аккуратно упакованный в ящики неприкосновенный запас консервов, воды и медикаментов. Здесь же было и оружие: два десятка сверкающих никелем лайтингов стояли в ячейках вдоль стены. Склад не открывали со времени последнего ежеквартального осмотра. На всякий случай я проверил счетчики боезапаса и убедился, что лайтингами с момента производственных испытаний не пользовались.

Потом я доковылял до бокса, в котором хранились «чижики», осмотрел их и сверился с комплектной ведомостью. Комплект был полным, хотя один аппарат, судя по всему, уже задействовали: аккумуляторы оказались слегка разряженными, немного, на четверть часа полета. Поставить «чижик» на подзарядку почему-то забыли.

Оба техника утверждали, что попасть на станцию им не удалось, джамп-кабина их не выпустила. Так что «чижик» с задействованным энергоресурсом был первой встреченной мною непонятностью.

Потоптавшись в боксе еще некоторое время, я набрался смелости и двинулся к центральному пульту управления. Там, естественно, тоже никого не оказалось. Как и должно быть на станции джамп-приема такой планеты, как Скиллус.

Я стащил с себя ненужный более стокилограммовый скафандр высшей защиты и с грохотом свалил его в угол. Ясно, что внутри станции он мне уже не пригодится: никакой аварии здесь не произошло. Когда же наступит необходимость отправляться на пленэр, он и вообще будет только мешать. В нынешней операции скорее бы пригодилась «саламандра» – тяжелый вездеход, вооруженный мощными энергополями – не по зубам любому виду излучения! – но такую махину существующие джамп-генераторы передать пока не способны. Во всяком случае, на две сотни парсек, отделившие меня от Земли.

Я уселся за пульт и сердечно поприветствовал главный компьютер станции. Бедняга угостил меня успокаивающим докладом. Я мысленно потрепал его по плечику и вызвал информацию с идентификатора. Информация была превосходной: между Виктором Камовым, прибывшим на Скиллус полчаса назад (станция отправления Terra-A-05), и двумя роботами серии ВМ, появившимися здесь позавчера (станция отправления Terra-T-12), никто приемник не посещал. Таким образом техники не врали. Возможно… Куда пропали роботы, идентификатор мне не сообщил, и это было второй непонятностью.

Я отключился от идентификатора и связался с боксом обслуживания «чижиков». Бокс лихо отрапортовал, что замена машин была произведена месяц назад и аппараты из нового комплекта пределов станции не покидали. Простофиля так и сыпал отрицаниями: не включался, не задействовалось, не выдавались, – но в этом не было его вины. Он был всего-навсего компьютером и понятия не имел о людском коварстве.

Любой посторонний человек, прибывший сюда вместо Виктора Камова, в этот момент наверняка бы успокоился. Ведь ему не могло быть известно, что на руднике Скиллуса две

недели назад погиб Фернан Гомеш. Но я не был любым посторонним человеком. И потому, выслушав убаюкивающие бдительность доклады, я отключился от компьютеров и задумался.

* * *

Гилмор, адъютант Полковника, разыскал меня вчера в пансионате на Медее, где я со вкусом поджаривал свои телеса в яростных лучах местного солнышка. Нашему брату не привыкать к неожиданным завершениям отпусков, и уже к вечеру Виктор Камов явился пред светлые очи своего начальства. Отпуск, однако, – дело святое, и потому пред светлые очи Камов явился без особого удовольствия и слегка раздраженным.

Полковник, на взгляд дилетанта, казался абсолютно спокойным, но я – калач тертый и сразу понял: случилось нечто экстраординарное. Слишком уж блестели у шефа глаза, когда он с самым серьезным видом поздравил меня с успешным окончанием очередного отпуска. Я кисло расшаркался в благодарностях, а он и бровью не повел, сразу перейдя к делу.

– Я вызвал тебя вот почему, Виктор… – Он немного помедлил, словно раздумывая, не вернуть ли меня обратно на Медею, в тепло, безделье и покой. – Со Скиллусом прервана джамп-связь.

Я фыркнул, намереваясь ляпнуть что-нибудь типа: «Я ее не ломал!» – но шеф энергичным жестом остановил мои псевдоюмористические изыскания.

– Вчера транспортники отправили туда двух роботов-ремонтников. Обычный профилактический осмотр, какой производится каждые две недели. Назад ни одна из машин не вернулась. – Он строго посмотрел на меня, как будто я был причастен к исчезновению роботов, и продолжил: – Сегодня на Скиллус были направлены один за другим два техника.

– Назад ни один из них не вернулся, – заметил я, старательно копируя интонации шефа.

– Если бы!.. – Полковник не обратил на мою выходку ни малейшего внимания. – Оба техника вернулись. И оба доложили, что станция их не приняла.

– Прямо так, вдвоем, на Скиллус и сбегали? – насмешливо проговорил я, зная, что на такие расстояния джамп-генератор способен переправить не более одного человека за передачу.

– Нет, конечно. – Шеф по-прежнему не реагировал на мой тяжеловесный юмор. – В пятнадцать часов был отправлен первый. Он тут же вернулся и доложил, что сам по себе перенос произошел, но двери джамп-кабины приемника не открылись. После долгих бесплодных разбирательств, в двадцать один час, на Скиллус отправили второго техника, более высокой квалификации. История повторилась. После этого транспортники поставили станцию под силовую защиту и обратились к нам…

– А мы теперь что? – ядовито осведомился я. – Мы отныне фирма по обслуживанию джамп-генераторов?

Полковник посмотрел на меня в непонятной жалостью. Будто с сегодняшнего дня я и в самом деле был способен справиться только с ремонтом джамп-генератора. Лицо шефа оставалось непроницаемым, но жалость во взгляде изрядно смутила меня: не представлял я себе, чтобы Полковник мог кого-либо пожалеть. Поэтому я прикусил язык, готовый уже выдать очередную ядовитую банальность. Работа, кажется, действительно наворачивалась серьезная.

Шеф достал из папки, лежащей перед ним, светлую литиновую полоску, на которых фиксируют шифрограммы, и, перегнувшись через стол, положил передо мной.

Я смотрел на шифрограмму, и мне было нехорошо: я наконец почувствовал, что отпуск таки закончился. Сердцем почувствовал, а не умом. Уму моему это стало ясно еще утром, когда я обнаружил на экране дальней связи жизнерадостную физиономию Гилмора.

Я взял полоску в руки, она была прохладной на ощупь.

Просмотрел реквизиты. Это оказалось донесение Управления Охраны Дальних Рудников, информация двухнедельной давности. Текст был расшифрован, и я прочел: «Настоящим уведомляю, что заключенный номер двенадцать-восемьдесят-семь погиб вчера при вскрышных работах на руднике. Визы патологоанатома и офицера безопасности прилагаются. Начальник спецобъекта «Скиллус-А» Джанни Моро».

– Ну и что? – съехидничал я. – Мы стали похоронной командой? Бедняжку зека некому сжечь?

Шеф опять посмотрел на меня с непонятной жалостью и сказал тихим голосом:

– Видишь ли, Виктор… Дело в том, что заключенный номер двенадцать-восемьдесят-семь – Фернан Гомеш.

И я почувствовал, что мое сердце, как в момент наступления невесомости, ухнуло куда-то в самый низ живота.

* * *

С Фернаном я был знаком с самого раннего детства. Родители наши жили в соседних коттеджах, и матери произвели нас на свет в одной клинике. Только Гомеш приветствовал этот мир своими криками за полгода до рождения Виктора Камова. В конце концов эти полгода стали для меня тем крестом, который Иисус тащил на Голгофу.

Фернан все успевал раньше меня. Он раньше встал на ноги, раньше научился плавать. Только в школу мы пошли вместе, тут разница в возрасте была недостаточной для того, чтобы он оказался классом старше. Но и в школе он лучше учился, лучше пел, лучше играл в спейсбол. Конечно мы превратились в друзей-не-разлей-водой, но это была своеобразная дружба. Я в самом деле дружил с Фернаном – он лишь позволял мне дружить с ним и не более того. И все же мы были неразлучны. Возможность подчиняться ему доставляла мне великую радость. По-видимому, это была какая-то разновидность мазохизма, но в те годы я не задумывался о подобных вещах. И потому с удовольствием согласился, когда он заявил, что неплохо бы нам стать геминами. В то время была прямо-таки настоящая мода на подобного рода операции. Взрослые сами с удовольствием становились близнецами – особенно молодые семейные пары – и не чинили никаких препятствий, когда к этому стремились дети. Слишком много преимуществ в жизни давала телепатическая связь, одна помощь друг другу дорогого стоила… Потом-то стали выясняться негативные стороны геминизма, но это было уже много позже.

Мне и сейчас стыдно вспоминать о проделках, которыми мы занимались с Фернаном. Впрочем, они не выходили за пределы самых обычных мальчишеских проказ: совершить отважный налет на соседский сад, напугать до полусмерти учительницу, вступить в сражение с подобной же телепатической парой… Какое было время!

Лет через десять выяснилось, что геминизм далеко не безопасен. Стали известными факты о том, что более активный близнец, превращаясь с течением времени в сильного гипнотизера, одновременно подавляет психику своего гемина. Особенно это оказалось распространенным среди подростков. Резко возросло количество психических заболеваний. Активный гемин как бы питался телепатической энергией своего более слабого близнеца. Детский геминизм запретили специальным решением Медицинского Совета. Кстати говоря, и былая мода к тому времени постепенно сошла на нет. Сейчас среди сумасшедших влюбленных, правда, встречаются еще гемины, но и им в конце концов приходится расплачиваться за полное познание своего партнера. Разбитые судьбы, сжигающая сердца ревность, преступления на сексуальной почве…

После окончания школы я вдруг стал замечать, что, насколько резво зашагал по жизни Фернан, настолько же медленно продираюсь по ней я. Гомеша приняли в Московский университет на факультет гипнологии, он уже считался подающим надежды дискавером, а я все еще

плыл по течению, не имея ни сил ни желания выбрать свою дорогу, перепрыгивал с одной работы на другую, не задерживаясь нигде более полугода, пока не оказался в Управлении. Впрочем, это произошло уже после того, как мне поставили блок.

Фернан был против блока, он несколько месяцев разъяснял мне, как много я потеряю, заблокировавшись от него, но Виктор Камов впервые в жизни сумел надеть на себя маску решительного и неумолимого. И Фернан отступился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.